

Робер Оссейн:

«Оставаться самим собой»

Фестиваль несется вперед с курьерской скоростью, не зная деления суток на день и ночь, не признавая географических границ. Поездка в Ленинград и экскурсии по Москве, утренние пресс-конференции и полуденные споры о кино, новые знакомства и встречи со старыми друзьями... А еще — бесконечные просмотры фильмов, которые после нескольких фестивальных дней сливаются в одну сплошную киноленту...

Но даже в этом пестром противоречивом потоке французский конкурсный фильм «Отверженные» запоминается надолго и сразу — своим широким эпическим звучанием, вдохновенным романтизмом, яркостью и сочностью киноязыка. Надолго запомнится и встреча с создателем фильма — известным актером и режиссером Робером Оссейном. Как передать в коротком газетном материале изящную иронию, столь присущую Оссейну, его простодушный демократизм в общении, его чисто французский шарм... Впрочем, наше последнее наблюдение оказалось весьма небесспорным, ибо Оссейн заговорил на хорошем русском языке...

— Я родился в Самарканде, — рассказывает Оссейн. — Наша семья оказалась во Франции, когда я был еще несмышлёнышом, воспоминаний детства у меня не осталось, но я с интересом изучаю язык, культуру страны, на земле которой родился. Я искренне восхищаюсь успехами советских людей, каждый приезд для меня в Москву — подлинная радость.

Разговор заходит о кино, о последнем фильме Оссейна, и он, оживленно жестикулируя, рассказывает:

— Меня часто спрашивают, почему я взялся за постановку «Отверженных», ведь несколько экранизаций этого шедевра Виктора Гюго уже хорошо известны зрителям. Но я считаю, что первый вариант прочтения романа мой, потому что он... мой. У каждого человека, знающего эту великую книгу, я уверен, свой Гюго, свой Жан Вальжан. И пока роман будет жить, будут существовать и попытки прочитать его по-своему. Гюго принадлежит не одному какому-то временному периоду, а всей истории, и каждое поколение находит в его книгах свой смысл...

— Вы много снимаетесь во французских фильмах в качестве актера, но вот в «Отверженных» не позволили себе появиться даже на минутку...

— Все дело, наверное, просто в том, что я не считаю себя хорошим актером... Когда я готовился к съемкам фильма, в моем воображении уже жили будущие киногерои, и мне там места не нашлось. Зато Лино Вентура, без которого я ленту не представлял, очень долго не давал согласия на роль Жана Вальжана. Он преклоняется перед творчеством Жана Габена, который тридцать лет назад уже сыграл эту роль, и мне понадобилась не одна встреча с Вентурой, чтобы убедить актера в том, что наш фильм не будет повторением старого. Да и роль Вальжана нами замышлялась по-новому. В том, как Вентура бывает яростен, необуздан, даже свиреп в гневе, в том, как он бывает сентиментально добр и нежен, в том, как он в своей некинематографической жизни заботится о детях, обездоленных судьбой, — во всем этом мне виделись черты живого, а не только кинематографического Вальжана. Ибо Габен, хоть и великолепно, но все же роль сыграл. Вентура ее прожил.

— Известно, что во Франции ваш фильм «Отверженные» шел на телевизионных экранах много вечеров подряд. В Москву вы привезли трехчасовую картину. Это что — сокращенный вариант телесериала?

— Я совершенно убежден, что кино и телевидение — два разных искусства. У телевидения — своя система образных средств, свой стиль работы с актерами, своя пластика, ритмы, свои особенности монтажа. Поэтому, задумывая сразу два фильма — для кино и для телевидения, мы сделали два разных сценария, которые сильно между собой отличались, как отличаются ныне и созданные работы. У них — разные финалы, несхожие сюжетные линии.

Какой вариант лучше? Не знаю, не знаю... Надеюсь, что советские зрители со временем увидят обе мои работы.

— Насколько нам известно, во Франции «Отверженные» встретили теплый прием. Хотя были у фильма и оппоненты. Среди газетных откликов встречались и такие, которые содержали упреки в излишней зрелищности «Отверженных»...

— Я не могу угодить всем критикам сразу. Кто-то из русских писателей сказал по этому поводу знаменитую фразу: «Я не червонец, чтобы всем нравиться». Мне знакомы критики, которые безоговорочно принимают все, что я сделал за 20 лет работы в кино, другим не нравится ничего из мною созданного. С этим надо примириться и ни в коем случае не пытаться подлаживаться под то или иное популярное течение, не примыкать к модным кланам. Одним словом, надо оставаться самим собой. Тогда ты будешь интересен многим. Есть режиссеры, которые работают на ограниченный круг зрителей, думая лишь о самовыражении, мне же всегда хотелось добиться наиболее полного контакта со зрителями, с которыми ты хочешь поделиться своими мыслями, заботами, надеждами. А это возможно только в том случае, если фильм нравится. И в этом смысле упрек в «излишней» зрелищности я воспринял, как комплимент...

Ю. ПАВЛЕНКО,
корр. «Советского экрана».

Л. ПАВЛУЧИК,
спец. корр.
«Знамени юности».